Теория и история культуры
Theory and history of culture

https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-9-21
УДК 394.011
ББК 71.11
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2026 г. А.В. Ищенко
г. Апатиты, Россия

© 2026 г. Е.Г. Митина
г. Мурманск, Россия

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРИРОДЕ В РУССКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация: Авторы статьи исследуют развитие представлений о природе в отечественной образовательной традиции и раскрывают их духовно-нравственные аспекты — на примерах памятников древнерусской и русской литературы. В статье освещаются результаты анализа отдельных текстов Древней Руси и Русского царства на предмет содержания в них описаний природы и ее явлений. Ключевые для народного образования Российской империи учебные пособия и образовательные программы по естествознанию исследуются в контексте религиозно-философских взглядов, распространенных в русском обществе Нового времени. Ретроспектива конфликта образовательных традиций в условиях естественнонаучного образования рассматривается в контексте поиска компромисса между идеалистическим и материалистическим восприятием природы. В ходе проведенного исследования определены концептуальные основания природной картины мира, характерные для русского образования до начала XX в.: библейский концепт, натурфилософский концепт, христианский нравоучительный концепт, материалистический концепт. Авторы рассматривают идеалистические взгляды Дмитрия Никифоровича Кайгородова на обучение естествознанию как поле для компромисса между уровнем развития научной мысли в начале XX в. и задачами духовно-нравственного воспитания. На основе проведенных авторами исследований утверждается мысль о неравномерности освещения духовных начал природы при изучении естественных наук в школе в разные исторические периоды.

Ключевые слова: русская образовательная традиция представления о природе, история образования, человек и природа, древнерусская литература, образование в Российской Империи

Информация об авторах:
Анастасия Владимировна Ищенко — младший научный сотрудник, Лаборатория адаптации человека в Арктике НЦ медико-биологических исследований ФИЦ «Кольский научный центр РАН», ул. Ферсмана, д. 14, 184209 г. Апатиты, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3087-9960
E-mail: anestezia_zhirova@mail.ru
Елена Гарисоновна Митина — доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики, Мурманский арктический университет, ул. Капитана Егорова, д. 15, 183038 г. Мурманск, Россия.
Профессор кафедры водных биоресурсов и аквакультуры Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, г. Пушкин, Петербургское шоссе 2, 196601 г. Пушкин, г. Санкт-Петербург, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2640-5092
E-mail: elena_mitina08@mail.ru
Дата поступления статьи: 23.09.2025
Дата одобрения рецензентами: 12.05.2026
Дата публикации: 25.09.2026
Для цитирования: *Ищенко А.В., Митина Е.Г.* Концептуальные основания представлений о природе в русской образовательной традиции // Вестник славянских культур. 2026. Т. 81. С. 9–21. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-9-21

Природная картина мира как целостное, субъективно осмысленное и культурно обоснованное видение окружающего мира отражает фундаментальные представления человека о мироздании, аккумулирует набор его мировоззренческих установок и проявляет духовно-нравственные ориентации в отношении как окружающей среды, так и самого себя. Еще несколько веков назад здание классического естествознания укоренилось на методах рационально-чувственного познания природы как исследовательского объекта. Однако попытки объяснить обнаруженные процессы и явления неизбежно погружают исследователя на тот уровень гипотез и условностей, где так или иначе начинают проявлять себя сакральные представления о мире, исторически сложившиеся в общественном сознании. В этой связи исследование представлений о природе актуально в контексте национальной культуры. Наиболее обобщенное их проявление в социокультурном контексте обнаруживается при изучении традиций народного образования — области, систематизирующей культуру, ее поддерживающей и утверждающей.

Отличительная черта наиболее глубокого культурного перелома в истории Руси — перехода от язычества к христианству — заключается в приобретении народом письменности и литературы [15, т. 2, с. 6]. После 988 г., по указу святого равноапостольного князя Владимира, на Руси начинается распространение «научения книжного» [15, т. 1, с. 162], в связи с чем знания о природе начинают транслироваться в библейском контексте. Пономарева И.Н. указывает на то, что в Христианской Руси начиная с X–XI вв. проводниками естественных представлений являлись преимущественно Евангелие и Псалтирь [12, с. 192]. По нашему мнению, для этой цели могли рассматриваться и другие книги Священного Писания.

В Псалтири природа упоминается больше в символическом значении. Например, растения: финиковая пальма, кедр ливанский — «Праведник яко финикс процветет: яко кедр, иже в Ливане, умножится» (Пс. 91: 13). Животные: «я уподобился пеликану в пустыне; я стал как филин на развалинах» (Пс. 101: 7). Что касается Евангелия, то в книгах Нового Завета также встречаются названия растений и животных Святой земли. Но эти природные образы представлены скорее в аллегорически-притчевом значении и далеки от естественных толкований: *«Иисус сказал ему: лисицы имеют норы,*

и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф. 8: 20; Лк. 9: 58). Можно, однако, предположить, что в определенных случаях притчевая паремия могла обладать некоторым естественным потенциалом, но таких примеров в Евангелии совсем немного. Можно, в частности, привести притчу о сеятеле, параллельно изложенную у евангелистов Матфея, Марка и Луки: «…вот, вышел сеятель сеять; и, когда сеял, случилось, что иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то. Иное упало на каменистое место, где немного было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока; когда же взошло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло. Иное упало в терние, и терние выросло, и заглушило семя, и оно не дало плода. И иное упало на добрую землю и дало плод, который взошел и вырос» (Мф. 13: 3–8; Мк. 4: 3–8; Лк. 8: 4–8).

Таким образом, есть основание полагать, что среди книг Священного Писания, Евангелие и Псалтирь с меньшей вероятностью могли представлять интерес для изучения природы как естественного явления в силу: а) выраженной региональности упоминаемых видов; б) преобладании символического значения над описательным. Другие книги, хоть и включали в себя больший объем знаний естественного характера, широкое распространение получили позднее.

Прохорова Г.М. пишет, что Шестоднев оказал фундаментальное влияние на мировоззрение и культуру Русского Средневековья в целом [15, т. 2, с. 519]. В этой связи полагаем, что формирование природной картины мира в тот период могло базово отталкиваться от первой главы книги Бытия. В данном контексте особый интерес представляют стихи, содержание которых можно истолковать с точки зрения системных представлений о природе: «да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды» (Быт. 1: 6) — как понятие о пространстве, которое препятствует смешению небесной и земной воды (например, озоновый слой) [7, с. 138]; «да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя [по роду и по подобию ее и] дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле» (Быт. 1: 11) — как базовая классификация растений; «да будут светила на тверди небесной [для освещения земли и] для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов. И да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю» (Быт. 1: 14–15) — как функциональное понятие о небесных светилах; «да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной» (Быт. 1: 20) — как основа классификации животного мира.

Главы, повествующие о Потопе, упоминают разделение птиц и скота на «чистых» и «нечистых» — пригодных и непригодных в жертвоприношение Богу. В более подробном изложении эта классификация описана уже во Второзаконии и книге Левит и обусловлена в отношении человеческого питания (по окончании потопа Господь благословляет людей: «все движущееся, что живет, будет вам в пищу; как зелень травную даю вам все» (Быт. 9: 3)). Перечисление зверей и птиц, разрешенных и не разрешенных в употребление человеком в книге Второзаконие, можно также рассматривать как классификацию по признакам, например, «Вот скот, который вам можно есть: волы, овцы, козы, олень и серна, и буйвол, и лань, и зубр, и орикс, и камелопард. Всякий скот, у которого раздвоены копыта и на обоих копытах глубокий разрез, и который скот жует жвачку, тот ешьте» (Втор. 14: 4–6).

Описание растительного биоразнообразия в книгах Священного Писания также могло применяться в формировании духовного восприятия природы. Например, «Песнь песней» богата описаниями садов: «сад с гранатовыми яблоками, с превосходными

плодами, киперы с нардами, нард и шафран, аир и корица со всякими благовонными деревами, мирра и алой…» (Песн. П. 4: 14–15). Правила ухода за плодовыми культурами приводятся в книге Левит: «Когда придете в землю, [которую Господь Бог даст вам,] и посадите какое-либо плодовое дерево, то плоды его почитайте за необрезанные: три года должно почитать их за необрезанные, не должно есть их; а в четвертый год все плоды его должны быть посвящены для празднеств Господних» (Лев. 19: 23–24).

В годы княжения Ярослава Мудрого русские книжники начинают переводить и переписывать исторические хроники и книги изречений. Так в древнерусской литературе начиная с XI в. появляются изборники — сборники избранных статей религиозного, философского и исторического толка.

В изборники входили толкования Библии, нравоучительные тексты, поучения в грамматике и поэтике, а также натурфилософские размышления. Наиболее известный — «Изборник Святослава 1073 года» — список с болгарского перевода. Его разностороннее содержание объединялось идеями христианской антропологии. Тем не менее, избранные сочинения античных авторов, включенные в «Изборник Святослава», дали начало распространению греческой философии на Руси XI в. Что в свою очередь сформировало своеобразное натурфилософское основание природной картины мира в обществе того времени.

Например, в размышлениях Немесия Эмесского «О естьствѣ человѣчьстѣ», входящих в состав «Изборника 1073 года», причины попущения мясной пищи человеку определяются следующим образом: «После отпадения человеку позволена была мясная пища. <…> Еда же наша и питие состоят из тех же элементов, из каких мы составлены. Каждый ведь питается тем, что ему подобно, а противоположным лечится» [15, т. 2, с. 139]. Кроме важной для того периода идеи элементов, в данном отрывке звучит также принцип аллопатической медицины.

Приблизительно к XII–XIII вв. на Руси появляется славянский перевод «Физиолога» (известен в списках XV в.) — природоведческого сочинения, созданного анонимным автором около II века в Александрии и соединяющего в себе естественные наблюдения, сведения из древнегреческой мифологии и аллегории Священного писания о животных. В качестве иллюстрации приведем стих о дятле: «Дятел — пестрая птица, живет она в горах, садится на кедры и стучит своим клювом. А где найдет мягкое дерево, там делает себе гнездо. Так и дьявол борется с людьми. И когда в ком-то найдет слабость и пренебрежение к молитвам, то войдет в него и угнездится» [15, т. 5, с. 407]. Примечательно и то, что «Физиолог» соединяет в себе описания как реальных животных, так и мифических существ: «О водном коне. От пояса и выше имеет образ коня, а ниже пояса образ рыбы кита. Плавает же в море и воевода над всеми рыбами…» [15, т. 5, с. 411].

Белова О.В. указывает на то, что передача знаний о природе не столько с описательных, сколько с нравоучительных позиций — в целом характерная черта для Средневековой Руси [1, с. 9]. В таком способе изложения прослеживается идея природы как второго Божественного откровения, в котором мудрость Творца раскрывается в Его творениях — идея «двух книг», в разное время развиваемая в среде античных философов (Гераклит, Демокрит, Платон); последователей платонической традиции (Плотин, Немесий Эмесский); Каппадокийских святых отцов (Иоанна Златоуста, Григория Нисского) и в христианской традиции отсылающая к словам апостола Павла: «Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны» (Рим. 1: 20).

«Христианская топография» Козьмы Индикоплова (РГБ. Ф. 98. № 159. 286 л.) — памятник антиохийской космологии, созданный около IV в. — в допетровскую эпоху наиболее авторитетная книга о мироустройстве. Основная тема «Христианской топографии» — описание устроения Вселенной, натурфилософские размышления, сведения о звездах, морях, реках, растениях и животных, прочие географические и этнографические данные. В своем сочинении автор переплетает символические описания древности (например, изображение мира в виде четырехугольного ковчега) и личные наблюдения (расстояния между географическими объектами, картографические данные, описания природы).

Другой литературный памятник этого периода — Толковая Палея — полемический пересказ Ветхого Завета с богословскими комментариями и дополнениями из апокрифов. Наиболее ранние из дошедших до нас славянских списков Палеи относятся к началу XIV в., а поздние датируются первой половиной XVIII в., однако ряд исследователей указывают, что написана она была намного раньше и была известна еще Нестору летописцу. В.В. Мильков указывает на обнаруженные параллели Палеи и «Христианской топографии» и делает вывод о том, что составитель, скорее всего, пользовался текстами Козьмы Индикоплова [10, с. 12]. Описания ветхозаветных событий в ее содержании часто перетекают в размышления натурфилософского характера. В данном примере анонимный автор продолжает объяснения третьего дня творения рассуждениями о свойствах и функциях воды: «но и самой той воды свойства кто может исследовать? Одна и та же вода, притянутая корнем, иначе питает корень, иначе — кору, иначе — само древо… Эта же вода входит в различные цветы и делает один — белым, другой — красным, третий — синим…» [~~25,~~ 24, с. 20]. Описанными свойствами воды автор обличает неверие оппонента «в сообщение верующим благодатных даров Святого Духа, причем, указывает на обильные дарования, изливаемые на верующих» [24, с. 20]. В этой связи Палея не только обращала читателя к натурфилософским концепциям ранних изборников, но и интегрировала их с нравоучительным стилем «Физиолога», так как использовала подобные рассуждения как аргументы апологетической дискуссии.

К концу XIII в. на Руси появляются «азбуковники» — анонимные лексикографические справочники. Изначально они создавались для толкования непонятных слов в книгах Священного писания, но позднее назначение азбуковников расширилось, и в их содержании стали появляться статьи энциклопедического характера [6]. Для представления о природной картине мира людей того времени большой интерес представляет Новгородский азбуковник 1596 г., дошедший до наших дней в виде списка, сделанного в начале XVII в. В содержание Новгородского азбуковника были внесены дополнения, которые, согласно анализу А.В. Пруссак, «выразились главным образом в более полном перечне на греческом языке птиц, рыб, трав…» [~~23~~, 22, с. 20]. В качестве примеров приведем отдельные фитонимы, представленные в содержании азбуковника 1596 г.: описание травы «мириси», предположительно речь идет о тамариксе [8, с. 437] — «Мириси ес[ть] трава яже ни к чему не пригодится. И цвета ея пчела не обоняет. А цветъ ея и зиме зелен»; описание смилакса — «Смилакс трава подобно хмелю въется кругъ древа искушая его крепостию своею». Как видно из примеров, толкования фитонимов Новгородского азбуковника уже в большей степени соответствуют описательному образцу более поздних примеров естественнонаучной книжности.

Таким образом, вопреки распространенному мнению о том, что до XVIII в. главными источниками знаний о природе являлись преимущественно буквалистское понимание Евангелия и Псалтири, в истории естественнонаучной книжности допетровской Руси обнаруживается достаточно большое разнообразие изданий, транслирующих

сложные богословские, натурфилососфские и даже ранние естественные концепции. Все они в той или иной мере формировали и отображали природную картину мира людей той эпохи. Поэтому мнение Григорьевой Е.В. о том, что естественное образование в этот период скорее всего отсутствовало, является лишь одной из возможных точек зрения [17, с. 18]. Вероятно, в данном случае речь идет скорее об изменении концепции природной картины мира. На смену целостному представлению о космоустроении, по «Шестодневу» Ионна Экзарха, включающему в одну мировоззренческую систему и мир Божественный, и материальный мир, приходит рационалистский взгляд на процессы и явления природы. Поле зрения человека, познающего природу, фокусируется на чувственно воспринимаемых объектах.

В начале XVIII в. предпринимается первая масштабная попытка вывести понимание природы из сугубо религиозного контекста. Известно, что образовательные реформы Петра I во многом складывались под влиянием проекта универсальной науки Готтфрида Вильгельма Лейбница. Лейбниц предложил Петру I многоаспектную реформу науки, образования и культуры, целью которой было обобщение всего научного знания, а также распространение и перенос достижений развитых государств Европы на «невозделанную почву» [9, с. 102] новообразованной Российской империи. Начиная с 1711 г. Лейбниц регулярно делился с Петром I своими идеями относительно «введения, распространения и приведения к процветанию <…> всех благих познаний» [~~24~~, 23, с. 219–220], а 1 ноября 1712 г. Петр I подписал указ о том, чтобы «Готтфрида Вильгельма фон Лейбница <…> принять и назначить Нашим тайным советником юстиции…» [4, с. 55.] По итогам этого сотрудничества были сформулированы основные положения о развитии светского образования в России, изложенные в записке, переданной вице-канцлеру Шафирову. Согласно материалам записки, образовательный проект Лейбница предполагал предметное разделение богословских, прикладных и общенаучных дисциплин [3, с. 754–757]. Это предложение можно считать первым шагом к дифференциации образования на светское и религиозное.

В тот чрезвычайно плодотворный период на русский язык переводятся голландские учебники географии и практической геометрии. По инициативе Петра I российский просветитель И.Ф. Копиевский перевел и издал их на русском языке. Это были первые светские учебники естественных дисциплин в России, но несмотря на щедрое распространение, эти пособия не пользовались успехом в народном образовании. По одной из версий, новые учебники не были приняты в работу на местах [5, с. 150–151]. Также существует мнение, что к 1720 гг. сам император затормозил их активное распространение. Ю.М. Лотман приводит в пример случай «Книги мироздания, или Мнения о небесно-земных глобусах» Х. Гюйгенса в переводе Я. Брюса. По воспоминаниям директора Санкт-Петербургской типографии М.П. Аврамова, Петр I сначала повелел выпустить книгу тиражом в 1200 экземпляров, так как «книжища весьма умна и ко обучению всенародному благоугодна, а наипаче к мореплаванию весьма надобна» » [21, с. 365]. (возможно, в следующей сноске учтена и эта цитата, но если разрыв цитат несет концептуальный смысл, лучше дать отдельные сноски). Но ознакомившись подробнее с ее атеистическим содержанием, уже выпущенные экземпляры приказал отослать обратно в Голландию «сумасбродному переводчику Брюсу по многой его к Государю докуке» [21, с. 366].

Несмотря на неуспех, голландские переводные учебники и споры об их духовном и идейном несоответствии природной картине мира русских людей оставили свой след: внутри отечественной традиции образования начала зарождаться своя уникальная методика светского естественного образования.

Она нашла отражение в первом русском учебнике естествознания, созданном под руководством академика В.Ф. Зуева. В 1786 г. без указания авторства вышло пособие «Начертаніе естественной исторіи, изданное для народныхъ училищъ Россійской имперіи». Учебник содержал описание большого объема фактического материала (148 растений и 157 позвоночных животных), который имел в основном практическую направленность. В первой части описывались разделы «ископаемое царство» (минералы и горные породы) и «прозябаемое царство» (растения). Во второй — «животное царство» (животные и человек) [18]. В своей работе В.Ф. Зуев вдохновлялся идеями немецкого педагога, директора Бременской семинарии Августа Любена. Метод Любена, в свою очередь, базировался на линнеевской систематике. Тот же ориентир был взят за основу «Начертания естественной истории…». Однако, в отличии от Любена, в преподавании естествознания Зуев намеренно не касался религиозно-философских тем. Центральной идеей взаимоотношений человека и природы автор обозначает концепт пользы, провозглашая в преподавании естествознания утилитарный подход, чем, в сущности, дает начало дальнейшему развитию экологического образования [13, с. 12]. Таким образом, появление в свет «Начертания естественной истории» обозначило новый вектор русского естественного образования: от натурфилософии — к естественной истории, от «Книги природы» — к идее полезности, от идеализма — к материализму. По всей видимости, тогда же начался процесс всеобъемлющей десакрализации природы, очевидным маркером которого является рассмотрение человека исключительно с анатомических позиций в рамках *«животного царства»*. Последующие учебники естествознания (В.М. Севергина, А.М. Теряева, И.И. Мартынова и др.), изданные в Российской империи, также не касались вопросов духовности и в целом создавались по образу работы В.Ф. Зуева.

Переломный момент наступил после подавления восстания декабристов в 1825 г., в результате чего император Николай I предпринимает решительные меры по борьбе с вольнодумством. Претворение в жизнь консервативной формулы «Православие, самодержавие, народность», в числе прочих мер, предполагало и борьбу с «гибельным материализмом» [11, с. 187] в образовании и культуре. Так «Устав гимназий и училищ уездных и приходских» 1828 исключает из программ общих учебных заведений естествознание, как причину «скверных суесловий» [11, с. 187]. По мнению М.Л. Магницкого, руководившего работой над уставом, материалистическое толкование естественнонаучного знания способствовало проникновению в него западноевропейских революционных идей, воспитанию нигилизма в подрастающем поколении. В программах учебных заведений, где изучение естествознания было профессионально необходимо (например, в медицинском образовании), данный предмет обязательно дополняется «Законом Божиим» [11, с. 185]. Такое решение может показаться необоснованно радикальным, и эта точка зрения часто встречается в работах методистов естествознания конца XIX – начала XX вв. Педагог Д.Н. Кайгородов, методическое наследие которого далее будет подробно рассмотрено, в начале XX напишет: «изгнание природы из школы — недоразумение, перед которым наши потомки будут только руками разводить…» [19, с. 62].

Вплоть до начала XX в. теоретические основы естественных наук были исключены из народного образования. В программе развития общего образования, предложенной Н.Х. Весселем в статье «Местный элемент обучения» (1862 г.), звучит призыв вернуть естественные науки в общеобразовательные училища [16, с. 144]. Однако, критикуя «энциклопедический характер» [16, с. 142] российского образования в целом,

автор рекомендует сосредоточить внимание на изучении «местного материала с прибавлением к нему настолько общенаучных сведений, насколько требуется для возможно всестороннего выяснения его» [16, с. 161–62]. На элементарном уровне обучающимся предлагалось получать эти знания в рамках других учебных предметов: «материал для обучения родному языку заключается в книге для чтения, которая примерно может состоять из следующих отделов: 1) семейный быт; 2) городской и сельский быт; 3) человеческий организм; 4) животные, растения, минералы; 5) мировые явления; 6) Родина и Отечество, очерки из отечественной географии и истории; 7) отношения человека к Богу…» [16, с. 152]. Похожая концепция реализована и в «Учебнике всеобщей географии» П.Н. Белоха (1864 г.), в основу которого *«полагается родиноведение, причем материал для выводов и заключений почерпается по возможности из наблюдений самих учащихся»* [14, с. 4].

В рамках учебной реформы, проводимой министром народного образования генералом П.С. Ванновским на рубеже XIX–XX вв., преподавание естественных предметов в школах и народных училищах было восстановлено [2, с. 267]. В 1901 г. естествознание снова вернется в школы в рамках «Программы природоведения по общежитиям природы для средней полосы России» [19, с. 81] авторства Дмитрия Никифоровича Кайгородова — профессора петербургского Лесного института. В своей работе педагог придерживался целостного подхода к формированию природной картины мира, а занятия проводил в экскурсионной форме: на прогулках в садах и парках.

В основу программы Д.Н. Кайгородова было заложено изучение природы «по общежитиям» растений и животных (экосистемный подход) по методу немецкого педагога Ф. Юнге (1885 г.) — с их разнообразными взаимодействиями, а также в связях с неорганической природой и сезонными изменениями. В переосмыслении Кайгородова метод Юнге получил подлинно идеалистическое развитие. По мнению русского педагога, все взаимосвязи в природе существуют «на подкладке взаимопомощи» и кроме борьбы за существование в природе присутствуют «любовь и альтруизм» [19, с. 68]. В своей статье «Природа в новой школе» Д.Н. Кайгородов призывает читателей учиться у природы, как бы восстанавливая нравоучительный мотив в воспитании природной картины мира [19, с. 64].

Кроме того, в его программе была явно обозначено христианское видение взаимоотношений человека и природы, в котором человек предстает заботливым хозяином тварного мира: «Изучение Божьих творений вообще составляет для человека как необходимость, так и одну из лучших обязанностей, потому что, изучая и познавая эти творения, он получает возможность <…> познавать всю бесконечную премудрость Сотворившего их» [20, с. 5]. Очевидно, что в данном отрывке звучит отсылка к процитированным ранее словам апостола Павла о возможности познания мудрости Творца через всматривание в Его творения.

Таким образом, период моратория на естественно-научное образование в школах стал причиной восстановления в методике более ранних духовных концепций. В приложении к научному прорыву естественных дисциплин на рубеже XIX–XX вв. (обнаружение рентгеновских лучей, открытия электромагнитных волн, фотосинтеза, вирусов, создание концепции биоценоза и др.) идеалистический метод Кайгородова мог воспитать подрастающее поколение, познающее природу не в виде разрозненных элементов, но целостно — «мир животных, мир растений, неорганический мир во всей их гармоничной целокупности — с облаками и звездным небом включительно» [19, с. 64–65].

Однако его взгляды разделяли далеко не все педагоги-естественники. В педагогической периодике стали появляться критические статьи в адрес Д.Н. Кайгородова, наиболее резко высказались авторы журнала «Естествознание и география» — А.П. Павлов, В.М. Шимкевич, В.А. Вагнер и др. [2, с. 268–270]. «Программа природоведения по общежитиям природы для средней полосы России» просуществовала в народном образовании не более одного года. Таким образом, Д.Н. Кайгородов стал последним идеалистом в преподавании естественных наук. Постепенно развитие методики преподавания естественных предметов было возвращено в материалистическое русло, что в свою очередь стало отправной точкой для его дальнейшего становления в условиях послереволюционной позитивистской педагогики.

Обобщая вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

Концептуальная многогранность природной картины мира русских людей до начала XVIII в. может рассматриваться как повод к пересмотру устоявшегося мнения о том, что видение природы развивалось в тот период исключительно в контексте буквалистского понимания текстов Священного Писания.

В истории русской естественнонаучной книжности до XX в. были обнаружены следующие концептуальные основания: библейский концепт, античный натурфилософский концепт, христианский нравоучительный концепт, материалистический концепт.

В допетровской Руси, ввиду отсутствия централизованной системы естественного образования, концептуальные основания природной картины мира не сменяли друг друга, но развивались одновременно, пересекаясь и взаимно дополняя друг друга.

Принятие Петром I лейбницевской идеи дифференциации богословского, прикладного и общенаучного образования впоследствии, под влиянием развития атеистического взгляда на природу, привело к решению о полной десакрализации естественного образования и его дальнейшего развития уже в материалистическом ключе.

Стремление десакрализовать природную картину мира к середине XIX в. стало причиной исключения естественных наук из программ народного образования в связи с рисками воспитания нигилизма как побочного явления утрированно материалистического восприятия окружающего мира.

В целостном видении природы педагога Д.Н. Кайгородова возрождаются более ранние концептуальные основания природной картины мира — христианский нравоучительный и натурфилософский концепты в сочетании с научно обоснованным рационалистским познанием окружающего мира.

Идеалистический подход к обучению естествознанию Д.Н. Кайгородова при детальном осмыслении и дальнейшем развитии мог стать полем компромисса между уровнем развития научной мысли того времени и задачами духовно-нравственного воспитания, которые естественные науки потенциально могут решать.

Список литературы

Исследования

1 *Белова О.В.* Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М.: Индрик, 2001. 318 с.

2 *Боркин Л.Я.* Формирование биоценологии в России и школьная педагогика // Биосфера. 2009. Т. 1, №2. С. 262–277.

3 *Герье В.И.* Лейбниц и его век. СПб.: Наука, 2008. 807 с.

4 Гуманистическая наука по Лейбницу и назначение академий / под ред. В. Кальтенбахера, А.А. Россиуса. М.; Неаполь: MMX, 2010. 113 с.
5 *Зарецкий Ю.П.* Первые русские печатные учебники // Вопросы образования. 2022. №2. С. 140–154.
6 *Зимина О.В., Кириллов А.И.* Образование, наука и просвещение на пути из прошлого в будущее: От Древней Руси до Советской России. М.: Триумф, 2017. 415 с.
7 *Кашкин А.С.* Священное Писание Ветхого Завета: Общее введение в Священное Писание Ветхого Завета. Пятикнижие. Саратов: Издательство Саратовской митрополии, 2012. 447 с.
8 *Коваленко К.И.* Греческие фитонимы в Новгородском азбуковнике 1596 г. (РНБ, собр. М.П. Погодина, № 1642) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2014. Т. XVIII. С. 433–443.
9 *Корнетов Г.Б.* Проекты Г.В. Лейбница по распространению в России образования и науки // Историко-педагогический журнал. 2016. №4. С. 99–132.
10 *Мильков В.В.* Картина мира в Палее Толковой // Вестник славянских культур. 2016. Т. 41, №3. С. 7–23.
11 *Минаков А.Ю.* М.Л. Магницкий как религиозный тип в царствования Александра I и Николая I // Христианское чтение. 2017. №2. С. 174–202.
12 *Пономарева И.Н.* Первые учебные книги в Древней Руси // Перспективные направления исследований в методике обучения биологии и экологии. Сб. ст. Междунар. научн.-практич. конф. (19–22 ноября 2018 г.). СПб.: Свое издательство, 2018. Вып. 16. С. 14–19.

Источники

13 *Андреева Н.Д., Соломин В.П., Васильева Т.В.* Теория и методика обучения экологии. М.: Академия, 2009. 208 с.
14 *Белоха П.Н.* Учебник всеобщей географии. Курс элементарный. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина. 1915, 71 с.
15 Библиотека литературы Древней Руси. РАН / под. ред. Д.С. Лихачева. СПб.: Наука, 1997. Т. 1: XI–XII век. 1997. 542 с. СПб.: Наука, 1999. Т. 2: XI–XII века. 555 с. СПб.: Наука, 1997. Т. 5: XIII век. 526 с.
16 *Вессель Н.Х.* Очерки об общем образовании и системе народного образования в России. М.: Учпедгиз, 1959. 320 с.
17 *Григорьева Е.В.* Методика преподавания естествознания. М.: ВЛАДОС, 2008. 253 с.
18 *Зуев В.Ф.* Начертание естественной истории. СПб.: Тип. Брейткопфа, 1786. Ч. 1. 240 с.
19 *Кайгородов Д.Н.* На разные темы, преимущественно педагогические: с приложения опыта программы природоведения по общежитиям природы для сред. полосы России. СПб.: А.С. Суворин, 1901. 103 с.
20 *Кайгородов Д.Н.* Начальная ботаника для городских училищ. СПб.: А.С. Суворин, 1900. 142 с.
21 *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Азбука-Аттикус, 2024. 608 с.
22 *Пруссак А.В.* Описание азбуковников, хранящихся в Рукописном отделении Императорской Публичной библиотеки. Пг.: Тип. М.А. Александрова, 1915. 58 с.

23 Сборник писем и мемориалов Лейбница относящихся к России и Петру Великому. Издал В. Герье. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1873. 372 с.
24 Толковая Палея / под ред. В.М. Успенского. Казань: тип. Имп. ун-та, 1876. 134 с.

***

© 2026. Anastasia V. Ishchenko
Apatity, Russia

© 2026. Elena G. Mitina
Murmansk, Russia

CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF PERCEPTIONS ABOUT THE NATURE IN THE RUSSIAN EDUCATIONAL TRADITION

Abstract: The authors explore the development of ideas about nature within the domestic educational tradition and reveal their spiritual and moral aspects through examples from Old Russian and Russian literature. The paper highlights the results of analyzing specific texts from Kievan Rus and the Russian Tsardom regarding their descriptions of nature and its phenomena. Key educational materials and programs on natural sciences that were pivotal for popular education in the Russian Empire are examined in the context of the religious and philosophical views prevalent in Russian society during the modern era. The study considers retrospective conflict of educational traditions in the realm of natural science education in the context of finding a compromise between idealistic and materialistic interpretations of nature. The research identifies the conceptual foundations of the worldview of nature characteristic of Russian education before the early 20th century, namely: the biblical concept, the natural philosophical concept, the Christian moral concept, and the materialistic concept. The authors address Dmitry Nikiforovich Kaygorodov's idealistic views on teaching natural sciences as a field for compromise between the level of scientific thought development of the early 20th century and the tasks of spiritual and moral education. Conducted research allowed asserting the idea of uneven representation of the spiritual aspects of nature in the study of natural sciences in schools across different historical periods.

Keywords: Russian educational tradition, natural views, history of education, man and nature, Ancient Russian literature, education in the Russian Empire

Information about authors:
Anastasia V. Ishchenko — Junior Researcher, Scientific Center for Medical and Biological Research of Human Adaptation in the Arctic, Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences, Fersman St., 14, 184209 Apatity, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3087-9960
E-mail: anestezia_zhirova@mail.ru
Elena G. Mitina — DSc in Pedagogy, Professor, Murmansk Arctic State University, Kapitana Egorova St., 15, 183038 Murmansk, Russia.
Saint Petersburg State Agrarian University, Pushkin, Petersburg Highway 2, 196601, Saint Petersburg, Russia

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2640-5092
E-mail: elena_mitina08@mail.ru
Received: September 23, 2025
Approved after reviewing: May 12, 2026
Date of publication: September 25, 2026
For citation: Ishchenko A.V., Mitina E.G. "Conceptual Foundations of Perceptions of Nature in the Russian Educational Tradition." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 81, 2026, pp. 9–21. (In Russ.) https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-9-21

References

1 Belova, O.V. *Slavianskii bestiarii. Slovar' nazvanii i simvoliki* [*Slavic Bestiary Dictionary of Names and Symbols*]. Moscow, Indrik Publ., 2001. 318 p. (In Russ.)
2 Borkin, L.Ia. "Formirovanie biotsenologii v Rossii i shkol'naia pedagogika" ["The Formation of Biocenology and School Education in Russia"]. *Biosfera,* vol. 1, no. 2, 2009, pp. 262–277. (In Russ.)
3 Ger`e, V.I. *Lejbnicz i ego vek* [*Leibniz and his Century*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008. 807 p. (In Russ.)
4 *Gumanisticheskaia nauka po Leibnitsu i naznachenie akademii* [*Leibniz's Humanistic Science and the Purpose of Academies*]. ed. V. Kal`tenbaxera, A.A. Rossiusa. Moscow, Naples, MMX Publ., 2010. 113 p. (In Russ.)
5 Zaretskii, Iu.P. "Pervye russkie pechatnye uchebniki" ["The First Russian Printed Textbooks"]. *Voprosy obrazovaniia,* no. 2, 2022, pp. 140–154. (In Russ.)
6 Zimina, O.V., Kirillov, A. I. *Obrazovanie, nauka i prosveshchenie na puti iz proshlogo v budushchee: Ot Drevnei Rusi do Sovetskoi Rossii* [*Education, Science and Enlightenment on the Way from the Past to the Future:from the Ancient Rus` to the Soviet Russia*]. Moscow, Triumf Publ., 2017. 415 p. (In Russ.)
7 Kashkin, A.S. *Sviashchennoe Pisanie Vetkhogo Zaveta: Obshchee vvedenie v Sviashchennoe Pisanie Vetkhogo Zaveta. Piatiknizhie* [*The Holy Scripture of the Old Testament: An Introduction to the Old Testament's Holy Writings. The Pentateuch*]. Saratov, Izdatelstvo Saratovskoi mitropolii Publ., 2012. 447 p. (In Russ.)
8 Kovalenko, K.I. "Grecheskie fitonimy v Novgorodskom azbukovnike 1596 g. (RNB, sobranie M.P. Pogodina, № 1642)" ["Greek Phytonyms in the Novgorod Alphabet Book of 1596 (RNB, Collected by M.P. Pogodin, No. 1642)"]. *Indoevropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiia*, vol. XVIII, 2014, pp. 433–443. (In Russ.)
9 Kornetov, G.B. "Proekty G.V. Leibnitsa po rasprostraneniiu v Rossii obrazovaniia i nauki" ["Leibniz Projects for Distribution in Russia Education and Science (To the 300th Anniversary of the Great German Thinker and Educator)"]. *Istoriko-pedagogicheskii zhurnal*, no. 4, 2016, pp. 99–132. (In Russ.)
10 Milkov, V.V. "Kartina mira v Palee Tolkovoi" ["The World Picture in Explanatory Paleia"]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 41, no. 3, pp. 7–23. (In Russ.)
11 Minakov. A.Iu. "M.L. Magnitskii kak religioznyi tip v tsarstvovaniia Aleksandra I i Nikolaia I" ["Mikhail Magnitsky as a Religious Type During the Reigns of Alexander I and Nicholas I"]. *Khristianskoe chtenie*, no. 2, 2017, pp. 174–202. (In Russ.)
12 Ponomareva, I.N. "Pervye uchebnye knigi v Drevnei Rusi" ["The First School Textbooks in Ancient Russia"]. *Perspektivnye napravleniia issledovanii v metodike obucheniia biologii i ekologii*. Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi

konferenetsii (19–22 noiabria 2018 g.) [*Promising Areas of Research in the Methods of Teaching Biology and Ecology.* Collection of Papers from the International Scientific and Practical Conference. (November 19–22, 2018)], vol. 16. St. Petersburg, Svoe izdatelstvo Publ., 2018, pp. 14–19. (In Russ.)